

ОЛЕГ ЧИСТОВ

КЫСЯ- СТЕРВЕЦ

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Олег Чистов

Кыся-стервец. Современная проза

«Издательские решения»

Чистов О.

Кыся-стервец. Современная проза / О. Чистов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832361-4

Эта повесть о коте, жившем в небольшом городе. В те годы, когда ещё почти отсутствовали ветеринарные клиники, где люди лишали кошачье племя права размножаться. Магазины не торговали специальным кормом и прочими прибабасами для кошек. Зато были сараи, чердаки, сады и огороды. Где и проходила большая часть их жизни, где гуляли они, действительно — сами по себе. Повесть не только о приключениях кота, но и о нашем недалёком прошлом.

ISBN 978-5-44-832361-4

© Чистов О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Нас не звали, а мы явились	6
Глава 2 И смех, и грех	10
Глава 3 Ура! Я справился с этой буквой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кыся-стервец

Современная проза

Олег Чистов

© Олег Чистов, 2016

ISBN 978-5-4483-2361-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Они живут вместе с нами: в домах, квартирах, на дачах, даже на кораблях. Они – это огромное кошачье племя. Породистые и не очень, всевозможных окрасов.

Позволяют нам холить и лелеять себя, привнося в дома некий уют и тепло. Кому-то скрашивают годы одиночества, становятся членами семьи, оставаясь при этом своенравными животными.

Не будем отнимать их права думать и понимать нас. Мы разговариваем с кошками и, нам кажется, или мы верим в это, что они понимают нас. Они тоже разговаривают с нами. Понимаем ли мы их? Нет – только догадываемся, что они хотят нам сказать.

Я осмеливаюсь в этой истории думать и говорить за моих героев, надеюсь, они простят меня за подобную дерзость.

Вот, что из этого получилось.

Глава 1 Нас не звали, а мы явились

Это чудо природы появилось у нас в середине лета.

Воскресным утром, наша семья завтракала на кухне. Утренняя свежесть стремительно таяла, уступая место июльской жаре. Кухонные окна распахнуты настежь. С веранды доносится позвякивание собачьей миски, похоже, здесь завтрак уже подходил к концу и начался процесс вылизывания посуды.

В этот момент где-то рядом, но как бы с высоты, раздалось громкое утробное «мяу-у»! И следом громкий лай собаки в районе калитки. Мы все – мама, сестра и я выскочили на веранду. Отец остался сидеть за столом и только удивлённо пробормотал:

– Это ещё что такое?

На столбе калитки сидел крупный серо-полосатый кот, а внизу, прыгая на задних лапах, возмущённо лаяла Рекса.

Не правда ли странная кличка у собаки? Чуть позже я расскажу, почему и как собака её получила.

– Господи, ты чей, откуда взялся? – с такими вопросами мама подошла ближе к воротам.

Мощным и одновременно мягким прыжком кот метнулся ей на плечо и скользнул в подставленные руки. Мама так растерялась, что даже не успела, испугано ойкнуть. Устроившись на руках, кот громко замурлыкал. От такой наглости незваного гостя, собака аж поперхнулась в лае. Котяра скорчил ей гримасу, подмигнул и мяукнул:

– Вот так надо, вражина! Привыкай, будем жить вместе.

Справившись с растерянностью, мать только и смогла выговорить:

– Ничего себе подарочек! Ну, пошли наглец, накормлю тебя.

Против такого оборота событий кот не возражал, наоборот, был уверен, что так и должно быть. Мы все вместе вернулись на кухню. Одобрения, тем более восторгов по поводу незваного гостя отец не проявил. Как бы оправдываясь, мама сказала:

– Сейчас мы его покормим, а там пусть сам решает – уйдёт, ну и бог с ним. Захочет остаться – пусть остаётся, тем более что в кладовке, похоже, завелись мыши.

Это был весомый аргумент. Мама всегда говорила, что ужасно боится мышей.

Кота опустили на пол. Прислушиваясь к разговорам, он начал сосредоточенно вылизывать лапы и хвост, изредка поглядывая на нас. Сестра начала выдвигать разные версии кличек. Ей очень хотелось назвать его Пушком. Отец вмешался в её страстный монолог:

– Галка, ты посмотри на его морду. Если бы он был человеком, ему только за его физиономию можно давать пятнадцать лет без права на амнистию. Типичная бандитская морда. Вы с ним ещё наплачетесь, вот помяните моё слово.

Кот отвлёкся от хвоста, коротко, вприщур, глянул на главу семейства, тихо промурлыкал в усы:

– Пожалуй, от этого даже молочка не получишь, надо быть с ним осторожней.

Внешность у кота действительно была колоритной. Одно ухо надорвано, на лбу рубец. Тонкий шрам по диагонали от правого глаза через нос рассекал внушительную хмурую кошачью морду, теряясь в пучке усов слева. Хорошо скроенное тело, короткие, сильные лапы. Чувствовалось, что недодав красоты, природа силушкой кота не обделила. Какой там к чёрту Пушок, обычный, уличный – Васька.

Коту было совершенно наплевать, как назовут. Его больше интересовало в тот момент – чем собираются потчевать?

Мама выбрала из посуды старое блюдо со щербинкой, налила в него молока и поставила перед котом. Васька брезгливо посмотрел на угощение, поднял морду. В жёлто-зелёных глазах явственно читался вопрос:

«И это всё? За такое питание ты хочешь, чтобы я ловил у тебя мышей?»

Отец не выдержал, сказал:

– Нет, вы только посмотрите на него, вот наглец!

Мама молча достала из кастрюльки вчерашнюю холодную котлету, поломала её пополам, половинку подложила коту. Кот хрипло мяукнул:

– Ну ладно, это уже кое-что, хотя могла бы и не ломать, не подавлюсь и целой.

Кошачьи зубы впились в котлету. Управился с ней быстро и запил молочком. Покончив с угощением, вылизал грудь и лапы.

«Теперь надо оглядеться, куда попал», – решил кот. Обошёл прихожую и кухню, вынюхивая что-то в углах помещений. Вошёл в спальню родителей. Задрав морду оглядел всё, принюхался и фыркнул, топорща усы.

«Ясно, здесь спит хозяин дома», – нет, это меня не устраивает. Вышел.

В детской комнате огляделся. Оценил широкий подоконник и открытую форточку над ним.

«Здесь спит мальчишка и девчонка, которая хотела назвать меня Пушком», – это совсем другое дело.

С кухонным полотенцем в руке, в этой прогулке его сопровождала мама.

Назидательно помахав перед носом кота концом полотенца, предупредила:

– Вот только попробуй мне где-нибудь нагадить, пулей вылетишь из дома!

Кот не собирался пакостить, пока его всё устраивало. Васька решил задержаться в этом доме на некоторое время, а дальше – видно будет. Прицелился прищуренным глазом и сиганул на прогретый солнцем подоконник.

«Вот здесь я и буду спать: тепло, светло, форточка рядом», – определился с местом кот.

Тщательно вылизал белое брюхо, сладко зевнул, во всю зубастую пасть и растянулся на подоконнике во весь рост.

Времени прошло не так и много, но молочко в желудке кота взыграло. Надо идти на двор. Он мог спокойно выскочить в окно, но не сделал этого, решил сразу всё расставить по местам.

«Вражина – хозяйская собака, лежит на крыльце веранды, подумает ещё, что я её боюсь».

Спрыгнул на пол и уверенно направился к входной двери, требовательно мяукнул:

– Хозяйка, выпускай, немоготу мне.

Открывая дверь, мама удивлённо сказала, предупреждая кота:

– Ишь смелый какой! Иди, там тебя Рекса ждёт, даже на улицу не пошла с ребятами – тебя дожидается.

Отец из кухни добавил:

– Он не настолько смелый, сколько наглый.

Кот вышел на веранду, а мама осталась стоять в дверях, наблюдая, что будет дальше. Рекса коротко оглянулась, сделала вид, что ей это не интересно, но пушистым хвостом стала усердно обмахивать крыльцо. Спуститься с крыльца, минуя собачий хвост, невозможно. Собака явно провоцировала кота. Вступать в конфликт или в драку, без гарантии на успех, в Васькины планы не входило. Достаточно и того, что продемонстрировал – он не трус. Пораз-

мыслив, Васька прыгнул на поручни веранды. Мощно оттолкнулся и, распластавшись в воздухе, приземлился ближе к забору. Не спеша, задрав хвост и не оглядываясь, направился в кусты. Рекса проводила его недобрым взглядом, тихо проворчала:

– Наглая скотина, но соображает.

Оправившись, кот пошёл знакомиться с территорией. Обошёл весь огород, заглянул в сарай.

«Здесь пусто, но за стеной точно свинарник, а значит, есть крысы, сейчас не до вас», – решил он. «Вот ближе к зиме я устрою вам весёлые ночи».

В соседнем дворе унюхал запах кота и собаки, в другом, собаки и кошки. «Кошка – это хорошо. Кошек я люблю», – удовлетворённо мурлыкнул в усы Васька.

Закончив разведку, вернулся в дом через окно. Дальнейшее знакомство с окрестностями заняло у него несколько дней.

В последнем дворе приключился конфуз, да какой там конфуз! Он чуть не попрощался с жизнью. Вспомнить страшно.

Добравшись до последнего двора на улице, он чётко уловил запахи собаки.

«Эка невидаль, почти в каждом дворе псы, точнее, пёсики, а кто у нас тут?»

Сделал один шаг, второй...

Кошачье счастье, не отвернулось от Васьки. Не успел он сделать ещё пару шагов, а если бы успел шагнуть, всё – хана ему.

Громыхая цепью, из будки вылетел Верный.

Вспоминая чуть позже как всё было, уже дома, лёжа на подоконнике, кот инстинктивно поджал хвост.

Огромная псина, разинув пасть и сверкая страшными клыками, бросилась к Ваське. Клыки клацнули перед самой мордой кота. Издав дикий вопль, спиной вверх, как на пружинах котяра подлетел и, незнамо как, оказался на ветке дерева. Выгнул спину дугой, зашипел, брызжа слюной. Цепь не дала псу добраться до дерева, отбросила его рывком назад. Захлёбываясь злобным лаем, собака металась буквально в нескольких метрах от дерева.

Придя немного в себя и чувствуя, как сердечко потихоньку возвращается из пятки левой задней лапы в своё исходное положение, Васька принял разумное решение. Напружинил лапы и что есть силы, маханул с дерева в противоположную сторону от собаки. Поджав хвост, бросился к забору. Обдирая бока о рейки штaketника, протиснулся на улицу и, поджав хвост, помчался к своему дому. Здесь ловить ему было нечего.

Уже дома, вспоминая, тихо мурлыкал: «А ведь точно, есть на свете кошачий бог! Сделай я тогда, ещё пару шагов и всё – конец мне! Эта образина, перекусила бы меня пополам, а возможно, заглотила целиком даже не поперхнувшись. У, вражина!»

Вылизывая крупную, когтистую лапу, продолжил размышлять над извечной темой взаимоотношений четвероногих:

«Правильно делают люди, что сажают таких монстров на цепь, иначе всему кошачьему племени, давно бы кирдык пришёл. Кошкой там и не пахло, а даже если бы и пахло, ну её нафиг – себе дороже».

Соседи заметили, что у нас появился кот. Баба Нюра, как-то окликнула мать, спросила:

– Шур, вы что, кота завели?

– Да какой там завели, сам приبلудился.

– Видела, как он по нашему огороду шастал, здоровый чертяка! – отметила кота соседка.

Ещё с неделю Васька отъедался, спал, набирался сил, обдумывал планы террористических набегов и покорения территории. В те годы слово террор было не на слуху, люди даже плохо представляли, что это такое.

Немного отвлекусь от нашего главного героя повествования, чтобы объяснить некоторые моменты, упорядочить.

С Рексой у Васьки установился нейтралитет, они старались не замечать друг друга.

Наверное, сейчас самое время объяснить, откуда взялась у нашей собаки такая странная кличка.

В пятидесятые годы прошлого века наша семья жила в Татарии в молодом городе нефтяников. Мне шёл седьмой год и осенью меня хотели отдать в школу.

Мама первые годы не работала, занималась домом, мной и сестрой. К семи годам я прилично освоил арифметику. Знал все действия, таблицу умножения, читал по слогам, но картавил. Не выговаривал эту проклятую букву «р». Вместо неё у меня получалась «л».

Вот так с мамой за ручку я оказался в кабинете директора, ближайшей школы. Выслушав мать и ознакомившись с моими способностями, директриса вынесла вердикт:

– К школе он подготовлен хорошо, но я вам не советую отдавать его в этом году.

– Он у вас картавит. Дети его будут дразнить, он замкнётся, и ничего хорошего из этого не получится. Только навредите ребёнку. Не советую спешить со школой. Пусть погуляет ещё годик, ничего страшного.

Заглянула в бумажку с маминым заявлением, спросила:

– Вы живёте в отдельном доме?

Мама утвердительно кивнула.

– Вот и купите ему собаку, пусть у него будет Рекс. Уверена, всё быстро пойдёт на поправку. Вот тогда милости просим в нашу школу.

Вот так, с подачи школьной директрисы я получил вольную от школы ещё на год. И, главное, всё получилось именно так, как она и предсказывала. Весной следующего года я получил щенка, моего Рекса, который оказался в итоге не Рексом, а Рексой. А тот день, вернее, поздний вечер, когда я впервые правильно выговорил букву «р», тоже помню до сих пор и расскажу, как всё было.

Глава 2 И смех, и грех

Мама принесла в дом щенка. Купила у какого-то мальчишки на улице за рубль. Мать мальчишки грозилась утопить щенят и, спасая их, мальчик вынес щенят на улицу. Останавливал прохожих, спешивших по своим делам и, уговаривал их взять у него щеночка. Маме достался уже последний. Дома, рассказывая нам с сестрой о покупке, сказала:

– Есть такая примета – нельзя брать щенка бесплатно. Хоть мелочь, или копеечку, а надо за него заплатить, иначе, собака не приживётся.

И добавила:

– Примета старинная, не нами придуманная, не нам её и нарушать. Да и мальчишке в радость – не только щенков спас, но и на кино с мороженым заработал.

Кличку собаке мама дала сама – Рекс. Это чтобы я чаще тренировал звук «р» перед школой.

Примерно через пару месяцев Рекс преподнёс нам самый главный сюрприз. Точнее, для Рекса это не было сюрпризом, а вот для нас – да. А ещё точнее, сюрприз был для нас с сестрёнкой. Для родителей это был конфуз, над которым ещё долго подсмеивались все соседи.

Огороды вскопаны, первые грядки засажены лучком, редисочкой. Семена прочей зелени – укропа, петрушки, посеяны. На очереди посадка картошки. Продолговатые белые семена огурцов лежат в блюдечке под мокрой тряпочкой – греются и прорастают под лучами весеннего солнца. Помидорной рассаде ещё тоже надо ждать большего тепла, земля ещё не прогрелась. В это время у огородников наступает небольшая передышка.

Эта традиция сложилась как – то сама собой. Наверняка зачинщиками были наши отцы. Соседи, находившиеся в хороших, дружественных отношениях, объединялись в несколько групп, как правило, по возрасту. Происходило всё примерно так.

Выходной день. После завтрака, пока мама мыла посуду, отец с «Беломориной» в зубах ходил по огороду между грядками. В соседнем огороде, слева от нас, появляется Петрович, подходит к забору и окликал его:

– Григорич, привет!

Отец подошёл, поздоровался с соседом.

– Управились с огородом? – интересуется Петрович.

– Да вроде всё сделали, осталось огурцы посадить, да помидоры.

– Ну, это ещё дней десять, не меньше. Да как ещё с погодой повезёт.

И подмигнув отцу, продолжил:

– Я вот, что думаю. А не пора ли это хорошее дело отметить, так сказать, за хороший урожай не грех и выпить, посидеть за хорошим столом? – подбрасывает идею сосед.

Отец кивает в сторону дома Петровича.

– А твоя-то как, не против?

– Я свою уже обработал – дала добро!

И Петрович азартно потёр ладони.

– Тогда я к своей пошёл! – говорит отец.

Тушит папиросу в бочке с водой для полива огорода и шагает к крыльцу дома.

– Давай, с Богом, а я сейчас ещё Павла сгоношу.

И прыгая через грядки, Петрович устремляется к противоположному забору, закладывает два пальца в рот и свистит разбойничьим посвистом.

В окне ещё одного дома появляется фигура дяди Паши. Петрович машет ему, вызывая на улицу. К забору на переговоры.

Минут через двадцать, там же у забора, встречаются уже женщины. Оговаривают, кто и что готовит, принесёт с собой. Если закуски получались обильными, то мужчинам выделялись деньги из расчёта две бутылки водки на троих и женщинам – бутылочка красненького сладенького на всех. Ещё поручали купить хлеб.

Решался и вопрос, у кого будут гулять? Обычно это происходило по очереди. Но бывали и исключения из правил. Жена Петровича, подмигнув жене дяди Паши и улыбаясь, спрашивала маму:

– Шур, а Шур! Я тут слышала, твой Женька, говорят, большую радиолу с проигрывателем купил?

Мама отлично понимала, куда клонит соседка.

– И какая это сорока тебе в уши настрекотала? Ладно, давайте сегодня у нас соберёмся.

Наши отцы быстро переодевались и всей троицей, весело переговариваясь, оживлённо жестикулируя, устремлялись к центру города, в винный магазин. А матерей ждала кухня.

Вспоминая сейчас подобные сценки и следовавшие за ними соседские посиделки вскладчину, я подумал вот о чём.

Мои дедушки, бабушки, я думаю, делили свою жизнь так: до революции и после. Наши родители: до войны и после.

Поколение моложе меня лет на десять-пятнадцать: до перестройки и после. А вот жизнь своего поколения я бы разделил так: до телевидения и после.

Да, я понимаю, это прогресс, это цивилизация и информация. Но с появлением телевизоров, люди захлопнулись в своих домах и квартирах. Перестали просто нормально общаться, и не обязательно за общим столом с выпивкой. До каких уродливых масштабов, до какого абсурда дошло это в наше время, с его компьютерами, эсемесками и интернетом, тогда в пятидесятые годы, даже представить было невозможно. Сейчас видят и понимают эту проблему многие, но сделать уже ничего не могут. Телевизионного и интернетовского «джина» выпустили из бутылки.

Примерно часам к четырём, всё было готово. В большой комнате раздвигался большой овальный стол, мать застилала его белой скатертью, ставила закуски. Мы с сестрой расставляли посуду. Обычно наших стульев не хватало, бежали к забору, соседская ребятня передавала нам свои табуретки и стулья. Позвякивая бутылками в авоське, возвращались из магазина мужчины. Когда всё стояло на столе, наши матери исчезали из вида. Минут через двадцать появлялись уже принаряженными. В воздухе носились запахи духов «Красная Москва» и каких-то цветочных духов. Город был молодой, магазинов было меньше, чем пальцев на одной руке. Да и выбор в те годы во всей стране, был невелик. Прошло всего десять лет, как закончилась война, не до духов было государству.

Соседи приходили с детьми. Садись за стол, выпивали, закусывали, танцевали под радиолу. После второй-третьей рюмки, нас детей, отправляли в другую комнату, снабдив выпечкой и сладостями, если они были. Мужчины выходили на перекур.

В тот майский день всё так и было. Чтобы не толкаться на крыльце, отец с приятелями вышли в огород. Мне было не интересно сидеть в комнате со старшими девчонками. Рекс имел явное желание посетить «туалет» и мы выскочили с ним на улицу. Протиснувшись сквозь частокол ног, пёс, смешно подкидывая зад, помчался в свой угол возле сарая. Слегка покру-

тился, обнюхивая землю. Выбрал место, сказав своё собачье «уф», присел и с наслаждением стал избавляться от избытков влаги.

Кроме дяди Паши никто не обратил внимания на это знаковое событие, а он повернулся ко мне и спросил.

– Как ты сказал, зовут пса?

– Лекс! – Гордо ответил я картавя, меняя звук «р» на «л».

Дядя Паша повернулся к моему отцу, толкнул его в плечо.

– Григорич, смотри сюда! – И ткнул пальцем в сторону собаки.

Отец сходу не понял в чём дело. Приятель хлопнул себя по ляжкам и, хохоча, чуть ли не пошёл впрысядку.

– Рекс! Ой, сейчас сдохну от смеха! Они её называли Рексом!

Хрипел, аж закашлялся от смеха. Следом заржал Петрович. Дошло и до отца. Кто-то из приятелей, изнемогая от смеха, сипел,

– Девку называли Рексом. Ой, не могу! Ну, Григорич, ты даёшь!

– А я что, под хвост ему заглядывал что ли?

– А надо было заглянуть! Что и Шурка твоя не заглядывала? Господи, мужик войну прошёл, дети есть, а под хвост не научился заглядывать!

И опять приступ дикого хохота. На звуки задорного смеха, на крыльцо дома, высыпали жёны и дети. Им популярно всё объяснили.

– А ты куда смотрела, когда брала его? – Это уже отец, к маме, сквозь смех.

– Вот паршивец! Я же спрашивала его, мальчик или девочка?

А он мне: «Мальчик, мальчик, тётя!»

Хор смеющихся увеличился вдвое. Кто-то из мужчин, бросил клич:

– Пошли в дом, такие крестины надо отметить!

Я, семилетний мальчишка, ничего толком не понял, что произошло и из-за чего весь этот обидный смех?

Рекс, или уже не Рекс, сидел или сидела, у моих ног. Ничего не понимая, собака крутила головой и весело лаяла. Уже возвращаясь в дом, мама задержалась на пороге, обернулась к нам и, смущённо пожав плечами, сказала:

– Вот так, сынок бывает – Рекс у нас девочка. Пусть будет Рексой!

– Да ничего страшного, лишь бы собака была хорошая, – успокоил меня отец.

– Ну да, тебе то что, а что потом будем делать со щенками? – возразила мама.

Петрович, услышав мамин вопрос, вмешался:

– Шур, если собака будет хорошая, проблем не будет, всех разберут. Посмотри, сколько вокруг народу строится. Огороды у людей, сады потом пойдут. А какой сад без собаки? Ещё и заработаешь на щенках.

– Ага, я их тебе принесу! Может быть, разбогатеешь.

Смеясь, все ушли в дом.

Вот так мой Рекс в одночасье превратился в Рексу.

А пророчества Петровича в большей части сбылись. Нет, мы не разбогатели, но за все годы, когда у Рексы были щенки, я получил такое детское счастье в играх и общении с ними, которое ни за какие деньги не купишь. Щенков было много за эти годы и все были отданы в хорошие руки людям нашего города и не только его.

Но, это уже другая история.

А сейчас хочу рассказать, как я справился со строптивым звуком «р». И что здесь сыграло большую роль, кличка собаки или просто пришло время расстаться с детской картавостью – не ясно. Скорее, всё вместе.

Глава 3 Ура! Я справился с этой буквой

Летом отец уезжал в командировку в Москву. Взял и меня с собой. Приехали рано утром, позавтракали прямо на вокзале. Дальше надо ехать на метро. Для меня это было впервые.

Стоя на ступенях эскалатора, вцепился в руку отца, было страшновато и одновременно интересно. Разглядывал людей, поднимающихся вверх на эскалаторе слева, крутил головой и старался заглянуть вниз, куда уходила движущаяся лестница.

– Смотри, собьют, – сказал отец, слегка подтянув меня за руку ближе к себе.

По ступеням вниз бежали или быстро шли люди. Тогда для меня это было не понятно, невольно подумал: «Зачем ещё бежать, когда она сама везёт тебя?»

Когда после эскалатора оказались на самой станции я был просто поражён.

Красочные мозаичные панно, огромные люстры, тут и там блестит начищенная бронза, скульптуры в простенках. Пригнувшись, отец пытался что-то объяснить, рассказать мне, но я не слышал его, что и немудрено в таком потоке людей. Раскрыв рот от удивления, я просто смотрел по сторонам, не понимая, как можно построить всё это глубоко под землёй.

Из тёмного чрева тоннеля тянуло прохладой и запахами погреба. Затем начал нарастать гул, поток выдавливаемого из тоннеля воздуха взлохматил волосы на голове и появился освещённый поезд.

Первые детские впечатления тем и хороши, что они яркие и врезаются в память. Проходит время и новые впечатления наслаиваются на память, краски первого восприятия слегка меркнут. И уже не обращаешь внимания на красоту окружающую тебя, ты, как и многие бежишь вниз по эскалатору вниз, лавируешь в толпе и втискиваешься в вагон. Но есть у детской памяти и другая особенность. Пройдёт много-много лет, она напомним обо всём, и оживают вдруг картинки из далёкого детства.

Проехав пару остановок, мы с папой поднялись по эскалатору теперь уже вверх, и вышли на оживлённую московскую улицу. В небольшом скверике напротив внушительного здания он оставил меня на лавочке под присмотром двух старушек с детскими колясками, наказав строго-настрого и шага не делать с этого места. Что было, думаю, лишним. Попав впервые в огромный город, за короткое время я получил столько впечатлений, что даже и не помышлял об ином, как только послушно сидеть, дожидаясь отца. Прошло часа два, пока он уладил свои дела по работе. Вернулся очень довольным, что так быстро удалось закончить. Поблагодарил старушек и мы пошли к автобусной остановке.

Поехали к двоюродной тётке отца. Уже в автобусе, он рассказал мне, что это за родня нам, о существовании которой, я до этого ничего не слышал. Дедушек, бабушек, и ближайшую родню с маминой и папиной стороны я знал хорошо, а вот дальше...

Оказывается в царское время, мой прадед был купчиной второй гильдии и имел большую торговлю в Москве. Прадед жил вместе с родным братом двумя семьями в большом собственном доме. После революции, Гражданской войны и десятилетий правления «гегемона», доживать свой век в родовом гнезде, осталась одна из дочерей брата моего прадеда.

Кроме этой тёти Поли и моего деда от двух семей к тому времени никого не осталось. Все сгинули в лихолетье и кровавой круговерти. Дом был национализирован и перестроен изнутри. Большие залы и комнаты перегородили тонкими стенами, и помещение превратилось в огромную коммуналку.

Вышли из автобуса, прошли небольшим переулком и оказались на параллельной улице. Указывая рукой на один из домов, отец сказал:

– Вот и пришли.

Дом действительно был большим: в несколько этажей и с двумя парадными. Напротив, через узенькую улочку – знаменитая фабрика «Красный Октябрь».

В Москве стояла летняя жара. Волны запахов свежего шоколада, карамели, вырываясь через открытые окна фабрики, смешивались с зыбким маревом от раскалённого асфальта, и окутывали приторным, но невидимым смогом весь квартал.

Тётя Поля – маленькая, сухонькая, но ещё бойкая старушка, несказанно обрадовалась нашему неожиданному появлению. Засуетилась, усадила нас на большой скрипучий диван с валиками. Отец что-то спрашивал её, она отвечала ему, а потом достала с полки старый альбом с пожелтевшими фотографиями, а для меня старую книжку с картинками и убежала на кухню со словами:

– Я сейчас быстренько, вы вовремя появились, у меня всё готово. Сама уже собиралась садиться за стол обедать.

Разглядывая картинки в книге, я пытался читать по слогам, что было написано под ними, но спотыкался на незнакомой букве. Придвинулся ближе к отцу, спросил:

– Пап, что это такое?

– Это с «ять», так в старину, до революции писали. Не обращай на это внимания, – ответил отец, мельком бросив взгляд в книгу.

На столе у окна быстро появилась незатейливая закуска. Селёdochка, посыпанная кольцами репчатого лука и sprыснутая постным маслом. С коммунальной кухни была принесена кастрюлька с горячей варёной картошкой, посыпанной мелко нарезанным укропом с добавлением сливочного масла.

Из затейливо резного, явно оставшегося от прежних времён серванта, был извлечён початый графинчик с водкой, затем ещё один – с наливкой. Как бы извиняясь или оправдываясь, тётя Поля пролепетала, поглядывая на графин с водкой и обращаясь к отцу:

– Это мы тут с соседкой баловались, у неё на днях день ангела был. Она всё больше на водочку налегала, а я себе наливочки. Но я думаю, Евгений, тебе тут в самый раз. Вам ведь уже сегодня в дорогу, а ты ещё с ребёнком.

– Всё нормально тётя Поль, нам ещё надо успеть, по магазинам промчаться, – ответил отец.

Мне была выставлена большая, фарфоровая чашка с чаем, печенье домашней выпечки и знаменитые московские сушки. Вроде бы уже старушка собралась присесть за стол, но вновь подхватила, причитая:

– Ох, старая перечница. У меня же где-то конфетки были.

Опять метнулась к серванту. Отец уже с рюмкой в руке не выдержал:

– Тётъ Поль, какие ещё конфетки! У вас тут такой шоколадный дух стоит, что дыши и пей вприкуску.

Лето, жара, окна нараспашку и ни ветерка. Запахи шоколада, карамели и прочих кондитерских приправ были настолько густы, что и правда, казалось, их можно нарезать плитками и запивать чаем.

Взрослые разговаривали, вспоминали что-то из прошлого, а я пил чай и поглядывал в окно. Вот опять распахнулись ворота фабрики, на проезжую часть улицы выполз гружёный

фургон, следом за ним колыхнулся воздух. Можно безошибочно угадать, чем он загружен – шоколадными конфетами или карамельками «Золотой ключик»?

Прошли годы, какие там годы, десятилетия прошли-пролетели, а мне так и не довелось больше побывать возле этого дома.

Вот так я узнал, что у нашей семьи было старое родовое гнездо. Но что я, мальчишка, тогда в этом понимал. А вот теперь, вспоминая, я представил себя на месте тёти Поли. Каково ей было десятилетиями жить напротив этой вывески – «Красный Октябрь». Октябрь, который отобрал, обобрал и уничтожил всё и всех в её жизни. Никому такого не пожелаешь.

Уже потом – во взрослой жизни я довольно часто бывал в Москве. Тянуло, очень хотелось съездить на эту улицу, но вовремя себя одёргивал, думая: «Ну, приедешь ты, а дома может быть, уже и нет. Или и того хуже – дом до неузнаваемости перестроили под офисы с бутиками на первом этаже. Вон как за последние двадцать лет изуродовали старую Москву. Пусть лучше останутся в памяти не испоганенными воспоминания из детства. А вот сыновья пусть съездят, найдут, посмотрят. Должны знать свои корни».

В тот раз мы с отцом, действительно, ещё успели до поезда пробежаться по магазинам. В пятидесятые годы, как и в последующие десятилетия, где ещё можно было что-то достать из продуктов – только в Москве и Ленинграде.

У отца была мечта, купить «охотничьи колбаски», которые, как он говорил, делаются из натуральной медвежатины. А «поймать» их можно было только в трёх местах. В «Елисеевском», гастрономе №3 или в «ГУМе», на первом этаже справа. В «Елисеевском» их не было. Пока папа отстаивал очереди в один из отделов, а потом в кассу, я любовался убранством магазина. К тому времени мне ещё не доводилось бывать в музеях и мне казалось, что за короткое время я побывал в дух сказочных чертогах. Лепнина на стенах и потолке, зеркала в сияющих бронзовых рамах, цветные витражи на окнах. Как можно всё это назвать магазином и сравнить с тем, что я видел в своём городе?

Отец купил сыр, что-то ещё и мы быстренько спустились вниз по улице Горького к гастроному. И тут папе не повезло. Зато в кондитерском отделе он купил колотый шоколад:

– Это настоящий шоколад как у немцев в войну, – сказал он, когда мы вышли на улицу.

Я уже устал, еле ноги переставляю, но не скулю. Получил за свой подвиг кусок сладости, но отец предупредил:

– Ты его не грызи, зубы можешь сломать, засунь весь в рот и соси.

Быстрым шагом, по диагонали направились к улице двадцать пятого Октября. Как объяснил отец, эта старинная улица упирается в Красную площадь. Уже на ходу отец продолжил рассказывать о шоколаде:

– В войну точно такой входил в сухой паёк немецких лётчиков и офицеров. Они его растворяли в кипятке, и пили горячим. А мы, если удавалось найти, рубили его топором и пили с ним чай вприкуску. Грызть его зубами было невозможно, таким он был твёрдым. Правда, он попадался нам только первые два года войны. А с лета сорок третьего пропал, видно в тылу у немцев дела тоже шли плохо. Не до шоколада им было.

Я наивно спросил:

– А где вы его находили?

– Где, где?

Буркнул отец, видно, не ожидавший такого вопроса и уже пожалевший о том, что начал такой рассказ:

– У убитых в ранцах, в офицерских блиндажах, если успевали опередить царицу полей – пехоту. Это был первый рассказ моего отца о войне и один из немногих в последующие годы.

А рассказать ему было что. Прошёл всю войну с июля сорок первого до февраля сорок пятого танкистом, механиком-водителем. Москва зимой сорок первого – сорок второго года. Сталинград, Курская дуга. Дошёл до Будапешта, потеряв за эти годы четыре экипажа.

В тот московский вечер, мы быстро прошли по улице, смешавшись с толпой таких же жаждущих что-либо достать, и оказались в «ГУМе». Только тут отцу повезло. В продажу «выбросили» партию «Охотничьих колбасок». Очередь была просто дикой. К прилавкам вышел, какой-то тучный дядька, наверное, заведующий секцией и, перекрывая шум толпы, прокричал:

– Больше одного килограмма в руки, отпускаться не будет!

В очереди одобрительно загалдели:

– Правильно!

Одна женщина выкрикнула:

– А я вот с ребёнком стою?!

И тут эта лоснящаяся, торгашеская морда, решила схохмить:

– Ну и стой себе на здоровье! – Можно подумать твой ребёнок знает, что это такое, и ему так нужны эти колбаски.

Очередь затихла. Прошло несколько мгновений, прежде чем в этой тяжёлой, вязкой тишине, раздался голос пожилого мужчины, стоявшего за нами. Про такой голос говорят надтреснутый, дребезжащий, но тогда он мне показался звонким и режущим слух. Столько в нём было злости, что невольно хотелось втянуть голову в плечи.

– Это ты правильно, гнида, сказал. Её дети точно не знают, что это такое, а вот твои знают, небось, каждый день лопают.

Повисла мёртвая, давящая, страшная тишина.

Уже потом, много лет спустя, вспоминая эту ситуацию, я уверен, что раздайся в тот момент кличь: «Бей гада!»

И эту сытую сволочь порвали бы в клочья.

Спасла положение его подчинённая, ещё молодая, румяная, бабёнка-продащица. Видно не раз и не два приходилось бывать ей в подобных переделках. Неплохо изучила психологию толпы, научилась управлять ею. Звонким, бодрым голосом она бросила в очередь:

– Ну! Кто тут первый, подходим, что встали-то?!

Очередь колыхнулась, загалдела, придвинулась ещё ближе к прилавку. А сытый хохмач, спиной вперёд юркнул в подсобку, как провалился.

Отстояв в очереди почти два часа и, получив свой заветный килограмм, мы бегом бросились к метро. Уже на вокзале по перрону мы точно бежали – это я хорошо помню. Еле-еле успели вскочить в вагон.

Уже дома, рассказывая маме о нашей поездке, я рассказал, как мы стояли в очереди «ГУМа». Она мне не поверила, сказала только:

– Такого быть не может. Он никогда, нигде не стоял в очередях и стоять не будет!

Вечером, вернувшись с работы отцу, пришлось подтверждать правоту моего рассказа. Выслушав его, мама отреагировала так:

– Да, воистину говорят: «Охота пуще неволи».

Действительно, после этого случая я никогда не видел своего отца, стоящим в какой-либо очереди. Возможно, он и стоял, но думаю, что это могла быть только очередь в винный отдел, но это – святое!

В поезде всё было как обычно. Разместились, отец застелил постели, сходили в туалет, умылись. Соседкой по купе была пожилая женщина с внучкой. После всех процедур она первой начала выкладывать на столик всякую домашнюю снедь. Всё правильно, было время ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.